

3.4. Этапы цивилизации и проблемы сопротивления

Падение Рима в конце IV столетия не означало падение одного конкретного города и связанной с ним цивилизации — это было завершением длительного периода существования цивилизаций ранней и классической эпох. Столетия, прошедшие после этого упадка, по традиции называют Средневековьем, хотя они ассоциируются с эпохой тьмы. Это связано с развитием историографии. Здесь нет конкретной семантики, более того, здесь больше наблюдается разрушение смысла. То, что эта эпоха называется еще феодальной, напрямую связано с марксистской классификацией общественных формаций. Социальная характеристика феодализма умышленно искажается. Не передается глубина смысла. Может быть, как мы уже говорили, такой подход способствует обесмысливанию.

Восприятие упадка Рима как разрушения всей рабовладельческой системы древней и классической эпох поможет постичь смысл во всей его полноте. Наконец, тот факт, что корни Евангелия — своего рода манифеста христианства — внесшего свой вклад в этот процесс разрушения, уходят в глубины истории шумерского и египетского периода, доказывает целостность этой эпохи. Эти же обстоятельства действительны также для дуализма Ислам — Византия.

На мой взгляд, послеримский период требует отдельного подхода. Его называют и «темными веками», и «светлой эпохой христианства и мусульманства», но, ни то, ни другое не передает смысла событий. Более того, это серьезно искажает смысл. На протяжении всего нашего исследования мы много говорили о важности государственного строительства жрецов. Точнее, мы сделали некоторые выводы. Мы увидели, как политические и военные силы, положившие конец жреческому периоду истории, в ходе своего царствования оставили неизгладимый след на всем процессе развития цивилизации. Наиболее сильной стороной нашего комментария стала демонстрация того, как культура цивилизации как единое целое, вступив в борьбу с культурой неолита, постоянно сужает ее пространство, эксплуатирует ее, стараясь ассимилировать вплоть до полного растворения. Мы подчеркнули то, что борьба культур оказалась важнее узкой классовой борьбы и классовую борьбу необходимо воспринимать в качестве всего лишь узкой части борьбы культур. В частности, борьбу цивилизаций мы оценили как «скотобойню».

Еще одно рассмотрение этих вопросов под эгидой двух понятий может быть достаточно поучительным. Речь идет об идеологической и материальной культурах. Я считаю важным определение Фернана Броделя капиталистической культуры как «материальной». Думаю, что это название распространяется не только на капиталистическую цивилизацию, но и на все виды классовых, городских и государственных цивилизаций. Это умножает возможности нашего анализа. Разделение материальной и духовной культур непрерывно продолжалось с

момента зарождения цивилизации вплоть до капиталистической формации. Капитализм представляет собой самую последнюю, но и самую высокую стадию этого процесса в материальной культуре. Идеологическая культура (ее можно также назвать духовной, или философией) существовала всегда, но достигла своего апогея на стадии соприкосновения социологии свободы с капитализмом. Развернув наше в данном направлении, мы не только увеличим наше знание всех взаимоотношений и столкновений между материальной и идеологической культурами в масштабе цивилизации и сопротивления на протяжении всей истории цивилизации, но, установив связь между «средними веками и капиталистическим модернизмом», с одной стороны, и социологией свободы — с другой, мы серьезно подготовимся к фактической оценке смысла свободы в идеологической культуре.

Все мои комментарии будут опытом разработки социологии свободы применительно к культурам неолита и цивилизации, которые мы до сих пор подробнее всего рассматривали. Что касается действительного формирования социологии свободы, мы постараемся более детально осветить эту тему после того, как подробно рассмотрим вопрос капиталистической цивилизации (модернизма).

А

Должен сказать, что в классификации неолитической культуры на материальную и идеологическую серьезных проблем нет. Серьезные проблемы возникают там, где неолитическая культура оказывается на стадии торможения и не может защитить себя от развитого цивилизованного общества. В первую очередь, считаю необходимым раскрыть суть понятия «проблема», которое я часто выношу в заголовки. Я подразумеваю под этим словом отображение той хаотической ситуации, которая воцаряется тогда, когда идеологическая и материальная культуры уже не могут восприниматься и дальше развиваться применительно к индивиду и обществу. Выход из проблемной ситуации означает положение, наступающее после достижения осмысленной структуры нового общества. Идеологическая культура, как я уже неоднократно старался комментировать, является отражением того, какими функциями загружены структуры, организации, ткани общества, их смысл и состояние мышления. Материальная культура отражает другую, воспринимаемую на ощупь ипостась, той самой функции, смысла, которые я описываю такими понятиями, как «внешность», «явление», «факт», «структура», «ткань». Если захотим объединить ее с развитием вселенной, то увидим стремление найти отражение диалектического противопоставления энергия / материя в общественной действительности.

Таким образом, можно констатировать, что между идеологической и материальной культурами неолитического общества, особенно на стадии формирования и структуризации, не формируются обстоятельства, угрожающие жизни общества и приводящие к конфликтам. Этого не позволяет социальная нравственность. Собственность, основополагающий фактор, ведущий к возникновению разлома, не имеет возможности для развития. Другой фактор, тесно связанный с вышеописанным, разделение труда между представителями различных полов еще не связано с понятиями собственности и силового давления. В частности, добыча пищи — это продукт совместного труда, пока не связанный с собственностью. В этих условиях налицо тесное единство идеологической и материальной

культур в сообществах, которые еще не получили серьезного роста и развития. Поскольку частная собственность и силовое давление, нарушая эту структуру, становятся прямой угрозой жизни, уравнивающее распределение и солидарность, являющиеся фундаментальными правилами морали неолитического общества, становятся тем основным принципом, который помогает этому обществу устоять. Внутренняя структура неолитического общества, благодаря этому принципу, в высшей степени стабильна. Именно это обстоятельство и помогает обществу неолита существовать на протяжении тысячелетий. При сравнении неолита с цивилизованным обществом в контексте взаимоотношений общества и природы, не говоря уже о пропасти между подходами, актуален вопрос, насколько важно обоим культурам следовать принципу сохранения природы. Отношение человека той эпохи к природе сродни божественному. Природа воспринимается им как живая, подобная ему, сущность. Поскольку природа дает ему воздух, воду, огонь и разнообразную растительную и животную пищу, человек воспринимает ее как нечто равное богам, точнее, природа становится наиболее сильным элементом религиозного мировосприятия. Совершенно понятно, что одна из серьезнейших причин возникновения понятия о боге и религии кроется именно в этой истине.

Ниже мы раскроем смысл, который заложило цивилизованное общество в понятие о боге. Важно, что божественные сущности, которые во многом занимали сознание неолитического общества, не имеют никакого отношения к угнетению, эксплуатации и насилию, а также к прикрытию и оправданию этих действий. Скорее всего, содержание божественного начала определялось такими понятиями как милосердие, благодарность, изобилие, любовь, восторг, свет, в угрожающих обстоятельствах - страх и др., таким образом (сохраняя гармонию с природой, оберегая окружающую среду), гармоничной жизни уделялось большое значение. Человек эпохи неолита при необходимости мог при - нести в жертву своему мировоззрению самое дорогое, что у него было - своих детей - юных сыновей и дочерей. Что касается социальной стороны бога, то человек воспринимал бога в этой ипостаси как предка общества, руководствовался такими клановыми понятиями, как тотем, табу и смысл. Вера в божество как предка приобретает вид религии матери-богини. Если святость и пере - численные нами понятия тотема, табу и смысла нельзя считать вполне религией, то можно однозначно утверждать, что они, как туман, заполнили сознание человека эпохи неолита. В слове «святость» содержится позиция, влияющая на жизнь общества, применимая ко всем фактам и явлениям, что явствует из таких эмоциональных состояний, как память, страсть, порой страх и тревога, порой любовь и уважение, а порой боль и слезы. Это ценность, которая соотносима с воздействием объекта и смысла на образ жизни. Можно рассматривать эту позицию и как форму нравственности. Впрочем, в основе нравственности также видна серьезная роль богов и святости, которые, согласно поверьям, помогают обществу удержаться на ногах. Члены общества в этом вопросе демонстрируют серьезность своих позиций. Они верят, что малейшее нарушение правил, проявление неуважения, отказ от жертвоприношения может обернуться трагедией. Иными ело - вами, эти общества полностью нравственны.

Несмотря на то, что окультуренные растения и одомашненные животные принадлежали обществу, в неолитическом обществе их нельзя было назвать собственностью, ибо собственность включает в себя объект. Тогда еще не было развито мышление, способствующее разделению действительности на объекты и субъекты. Объекты

воспринимались человеком эпохи неолита как нечто, идентичное с ним самим. Насколько люди воспринимали друг друга как собственность, настолько же они воспринимали как собственность окультуренные ими растения и одомашненных животных. Следовательно, речи не может быть о серьезном нарушении окружающей среды. Несомненно, все же было заложено начало, ведущее к институту собственности, но превращение этого начала в собственность как таковую произойдет гораздо позже, в совершенно других условиях. Не хотелось бы, чтобы вследствие наших пояснений возникло мнение, что неолитическое общество было неким раем. Это общество было молодым и уязвимым перед неопределенностью будущего, часто менявшимися природными условиями, что обуславливало опасность его положения. Общество осознавало это, и, в принципе, именно это осознание и накладывало серьезный отпечаток на сознание человека той эпохи. В поисках выхода из положения, пусть и наивных, неолитическое общество стало неизбежно развивать метафизическое мировоззрение, основанное на мифических и религиозных образах.

Смысл метафизики коллективной жизни вокруг культа матери-женщины, а также основанных на этом понятий святости и божественности, лучше воспринимается на основе этого толкования. Природная плодовитость матери, ее способность вскормить ребенка, доброта, важное место в жизни являлись главенствующим признаком материальной и духовной культур. Мужчина не был тогда даже тенью в структуре общественного коллектива, не говоря уже об отсутствии у него статуса мужа, которого и не могло быть. Форма жизни общества не позволяла этого. Следовательно, такие роли мужчины как представителя господствующего пола, мужа, владельца собственности, владельца государства, имеют сугубо социальный характер и развились в последующем. Говоря об обществе той эпохи, мы подразумеваем мать-женщину, ее детей, братьев и сестер. Можно предположить, что потенциальный кандидат на роль мужа, принимался в общество не столько для исполнения роли мужа, сколько в качестве мужской рабочей силы, например, он должен был показать свои способности на охоте, при выращивании растений, одомашнивании животных. Тогда еще не было развито такое социальное явление, дающее мужчине право говорить: «Я муж моей жены или отец своих детей». Не следует забывать следующее: если даже в то время существовали такие психологические понятия, как материнство и даже отцовство, чего нельзя полностью отрицать, они в основном были на уровне социологических понятий и фактов.

Когда же неолитическое общество вступило в узкую полосу кризиса и были предприняты попытки перехода на новый этап? Можно разобрать этот вопрос с точки зрения внутренних и внешних причин. Возможной угрозой для матриархата могло быть пре - одоление мужчиной его слабого положения в обществе, путем достижения успехов в охоте и укрепления его окружения. Обретению подобной силы могло способствовать умение хорошо выращивать растения и разводить животных. Однако наши наблюдения показывают, что неолитическое общество могло исчезнуть скорее под воздействием внешних факторов. Несомненно, таким фактором является строительство жрецами священного государства. Повествования о первых цивилизованных обществах в Нижней Месопотамии и на побережье Нила вполне подтверждают это предположение. Как мы уже подчеркивали, развитая культура неолитического общества, и искусственное орошение на аллювиальных почвах способствовали появлению излишка продукта. Новое общество, ставшее на путь

урбанизации благодаря значительному излишку продукта, организовалось в форме государства и в основном благодаря мужской силе, что и обусловило его характерные особенности. Развивающаяся урбанизация есть ничто иное как коммодификация, которая, в свою очередь, развивает торговлю. Что касается торговли, то она в виде колоний просачивается в неолитическое общество и путем постепенного нарастания темпов превращения продукта в товар, распространения обменной ценности (в неолитическом обществе действовала ценность использования объектов; вместо обмена практиковалось дарение) и собственности ускорило разложение неолитического общества. Колонии Урука, Ура и Ассирии ярко это подтверждают.

Основной регион развития неолита — Среднее и Верхнее Междуречье — приобщился к цивилизации именно таким образом.

Другие клановые сообщества, достигшие или не достигшие уровня неолита, вследствие агрессии цивилизованного общества, в подавляющем большинстве приходящей извне, столкнулись с такими методами цивилизации, как завоевание территории, аннексия, колонизаторство, ассимиляция и полное уничтожение. Наши наблюдения показывают, что во всех регионах проживания человечества имели место такого рода процессы. Неолитическое общество, которое мы можем считать стволовой клеткой, из которой сформировалось общество, и сообщества, оставшиеся с более ранних времен, подвергаясь в дальнейшем, на более развитых стадиях, постоянной агрессии со стороны цивилизованного общества, фактически были разрушены, и до наших дней дошли лишь их руины.

Лично я думаю, что общество, существовавшее до цивилизации, полностью уничтожить невозможно. Это зависит вовсе не от того, что они были сильны, а от того, что жизнедеятельность общества совершенно невозможно представить без них, как в случае со стволовыми клетками организма. Цивилизованное общество может развиваться только в форме сосуществования с предыдущим общественным укладом. Это почти то же самое, что «нет капитализма без рабочего класса». Деятельность цивилизованного общества на базе нецивилизованных или наполовину цивилизованных обществ с диалектической точки зрения возможна. В таком обществе иногда могут происходить убийства людей, но полное уничтожение народа противоречит природе социума.

Вместе с тем нельзя умалять значение идеологической культуры неолитического общества, существующего на протяжении всей истории. Материнское право, общественная солидарность, братство, бескорыстная любовь, направленная строго на цели общества, уважение, рассуждения о добре, то есть нравственность, безвозмездная помощь, уважение к тем, кто создает материальные ценности и обеспечивает жизнедеятельность общества, связь таких понятий, как святость и божественность, с их неискаженным содержанием, уважение к соседям, стремление к равенству и свободе и другие бессмертные ценности являются фундаментом жизни неолитического общества. Вместе с тем это ценности, которые не потеряют своего смысла, пока продолжается жизнь общества. Поскольку ценности цивилизации перегружены такими многочисленными, но совершенно бесполезными для общества культурными феноменами, как гнет, эксплуатация, захват, грабеж, насилие, резня, безнравственность, уничтожение людей, ассимиляция, роль этих ценностей в обществе носит временный характер. Это, прежде всего, качества,

свойственные болезненному, проблемному обществу.

В той части нашего труда, где речь пойдет о социологии свободы, мы подробно рассмотрим, как общество, освободившееся от своих больных и искаженных «ценностей», может аккумулировать оставшиеся у него вечные ценности и слиться воедино с обществом равенства и демократии.

Б

Интересно рассмотрение трех стадий цивилизованного общества. Это ранняя, средняя и последняя стадии. Не следует забывать о том, что цивилизованное общество представляет собой единое целое, и такое разделение облегчит его анализ, сохранит и хаотический, и цельный характер с точки зрения «длительного срока».

Такие понятия, как благородство, тонкость, джентльменство, уважение к правилам, размеренность, планомерность, ум, почитание права, миролюбие, приписываемые цивилизованному обществу, полностью вымышлены и имеют разве что пропагандистскую ценность. Истинное лицо цивилизованного общества формируют такие черты, как сила, ложь, навязывание своего мнения, интриганство, войны, грабежи, захват в плен, уничтожение, рабство, безжалостность, агрессия, аннексия, бессовестность, игнорирование законов, упование на принцип силы, использование таких понятий, как святость и божественность, полностью искаженных в интересах узкого круга людей, преследующих корыстные цели, склонность к насилию, общественный уклад, построенный на половой сегрегации, поляризация общества, приводящая к тому, что на фоне товарного изобилия и собственности люди умирают с голоду, огромные массы поработанных людей, безземельные крестьяне, безработные рабочие — и это все целиком и полностью противоречит естественному ходу жизни и приводит к серьезным социальным болезням и искажениям действительности. Цивилизованное общество постоянно прикладывает скоординированные усилия для того, чтобы посредством пропаганды и лживой, скверной метафизики скрыть свое истинное лицо.

Цивилизованное общество — это общество, возникающее в результате классового расслоения города и управляемое организацией под названием «государство». Родственные связи и солидарность, характерные для этнических родоплеменных сообществ, могут способствовать максимальной дифференциации до стадии формирования иерархии. Сами они не могут привести к классовому расслоению и зарождению государства. Родоплеменная культура не соответствует культуре классового государства. Основное содержание классового расслоения сводится к установлению собственности на излишки продукта. Это аннексия или собственность на средства производства, с помощью которых создается излишек продукта, в первую очередь земля. Как всегда говорилось, собственность — это кража, совершенная у общества. Излишек продукта становится результатом этой кражи, ее детищем. Организация, называемая государством, представляет собой коллективное орудие охраны собственности и распределения запасов излишка продукта между его владельцами. Собственность, возведенная в ранг организации, является залогом владения излишком продукта и прибавочной стоимостью. Естественно, на протяжении всей истории

во имя этого требовались великие армии, бюрократический аппарат, оружие, средства узаконения. Создавалась зависимая от этого наука, философия, искусство, право, мораль и религия. Бесмысленная метафизика искажала социальные роли всех этих категорий и их связь со свободой. Несмотря на то, что связь цивилизованного общества с идеологической и материальной культурой запутана и искажена, самое главное заключается в его искусственном характере, что свидетельствует о постоянном росте значения материальной культуры. Мы не говорим об отсутствии идеологической культуры, но ее существование отличается двумя основными особенностями. Это второстепенность и искаженность.

Чтобы осознать эти обстоятельства, надо их кратко раскрыть. Как известно, структурализм и функциональность — это основные понятия семантики. Каждая структура имеет свою функцию, каждая функция является свойством какой-то структуры. При хаосе структура и функции переживают кризис. Они сталкиваются с угрозой распада и разложения. В этот момент появляются некоторые временные смешанные структуры и противоречивые функции. Описанная мной ситуация свойственна всей вселенной. Например, формула воды — H_2O . В какой бы части космоса мы ни были, если есть H_2O , мы можем считать, что формула воды такова. Что касается функциональности, то, говоря «вода», мы подразумеваем самую чистую жидкость. Сюда входят все ее качества, например, замерзание и превращение в пар, разрушения структуры и, следовательно, потеря или ограничение функциональности. Изготовление стола из дерева или железа является структурным действием. Полезность стола относится к функциональности. Те же самые деревянные или железные детали, перестав быть частью стола, теряют свою функциональность. Если даже они как детали не исчезают, их функциональный характер исчезает. Можно изготовить стол из сучковатого дерева, но в данном случае неизбежны и структурные, и функциональные нарушения.

Любое образование во вселенной несет в себе одновременно и структурные, и функциональные особенности. В самом широком смысле: если мы воспримем материю как структуру, то для придания ей функциональности мы сразу же вспомним про энергию. Энергия является функциональной характеристикой материи. Научно доказано, что в связке энергии и материи энергия играет основную роль. Материальных образований без энергии не бывает, но энергия существует вне материальных образований. Еще понятнее: материя может исчезнуть (в структурном смысле), а энергию уничтожить невозможно. Естественный прогресс функциональности энергии, насколько нам известно, делает обязательными материальные сущности. Даже одушевленность связана только с определенными хорошо развитыми материальными образованиями и обстановкой. Нельзя представить себе одушевленное существо без материальной составляющей, точнее, без его материальной структуры. Если даже оно есть, то нам ничего об этом неизвестно. Обобщая, можно подчеркнуть, что составляющая наиболее развитых материальных структур может соответствовать их наиболее развитой функциональности.

Платой за материальную структуру и функциональность в обществе является материальная и идеологическая культура. Наши рассуждения об общественном характере касаются того, что в цивилизованном обществе в противоположность чрезвычайному развитию материальной структуры совершенно не развита ее функциональность, а потери усугубляются нарушениями структур. Основная причина этого заключается в отсутствии

связи с основными структурными и идеологическими культурами, делающими возможным общественный характер жизни, и чрез - мерном силовом давлении на них. Можно привести такое сравнение: если налить в воду нефть, то она испортит воду, нарушит ее функциональность. Хотя нефть, как и вода, является жидкостью, но ее функции совершенно иные. Если развитие материальной культуры совпадает с развитием идеологической, мы не сможем отобразить связанную с этим опасность или негативное воздействие на общество. Обычно так и происходит. Однако развитие материальной культуры и ее сосредоточение в руках узкой группы общества в широком смысле приводит к нарушению структуры и функциональности общества, а в узком означает расширение материальной культуры и растворение идеологической культуры.

Я хотел бы дополнительно раскрыть мысль на еще одном примере. Египетские пирамиды — это грандиозные материальные творения, за эти пирамиды заплачена цена в миллионы людей, потерявших дееспособность, смысл жизни, свободу, то есть свою идеологическую культуру. Вот что есть цивилизация! Она воздвигает грандиозные сооружения. Она может утвердить свое величие путем строительства храмов, городов, стен, мостов, воз - ведения полей, строительством складов, даже произведенной продукцией. Такие общества возможны в рамках цивилизации, но если в этом обществе поискать функциональность и ценность идеологической культуры, то сразу станет видно, что они или утеряны, или серьезно искажены. Меньшинство оторвалось от большинства общества, установило безжалостный гнет и эксплуатацию, оторвало общество от его идеологической культуры или, искажая действительность, преподносит ему нечто, крайне дале - кое от истинной идеологической культуры.

Что касается материальной и идеологической культуры, питающей меньшинство, то она способствуют формированию общества, больного во всех отношениях. Такое общество охвачено материальными интересами, совершенно оторвано от проблем окружающей среды и освободительной идеологии. Ситуации, которые я называю «общественными проблемами», являются итогом этого диалектического развития. Именно поэтому цивилизованное общество отрывается от окружающей среды. Этот отрыв не имеет качественного характера, как это принято считать, скорее, он имеет онтологический характер, то есть сам факт существования цивилизованного общества требует коренного отрыва от окружающей среды. Как бы мы ни осознавали окружающую среду и проблемы экологии, будь то в прежнем виде, в цельности природы и общества, или в научном смысле, в виде слияния природы и социума, необходимо низвержение обществом фундаментальных критериев цивилизации, то есть классов, города и государства. Я не говорю о грубом уничтожении, а выдвигаю гипотезу, касающуюся гармоничного развития и сочетания материальной и идеологической культур нового общества. Внутренне гармоничная и развивающаяся в полном соответствии друг с другом материальная и идеологическая культура общества, осуществляя свое слияние с природой, видит эту природу свободной (по словам Мюррея Букчина, «третья природа»), вместе с тем способствует преодолению дисгармонии и противоречия между природой и обществом.

В первом периоде строительства цивилизованного общества в рамках общей концептуальной перспективы практически во всех случаях мы видим признаки грандиозной материальной культуры. Огромные египетские пирамиды, шумерские зиккураты, китайские

подземные города, индийские храмы, похожие на них латиноамериканские города и храмы — все это явно свидетельствует о материальной культуре. Что касается смысла содержимого этих строений, то есть идеологической культуры, то он заключается в мумифицировании трупов, скульптурном изображении богов, походах правителя со своей армией в загробный мир. Смысл мертв или сильно искажен. В таких ситуациях осмысление происходит с помощью подчеркивания понятия «я» в психологии человека. Ясно, однако, что истинный смысл заложен в социальных преобразованиях. Понятно, что без общества или его преобразований такие произведения были бы недоступны уму. Обожествление царя тоже является определенным состоянием мышления. Но это мышление сильно искаженное, которое разрушает основное идеологическое мышление, поддерживающее существование общества. Это мышление, против которого, ценой разрушения истинного общественного мышления и идеологической культуры, с большим гневом выступили монотеистические религии. Мы считаем переходом идеологической культуры на второй план и его искажением то, что большие накопления общества, базировавшегося в городе, организовавшего себя в качестве классового государства, считают материальной культурой, искаженное мышление, плохую метафизику, отчуждение от природы, позиционирование себя над природой, стремление представить самого себя неким произведением вне природы.

Невозможно говорить, что эта стадия была воспринята спокойно, безболезненно, с радостью или восхищением. Мифологическое объяснение весьма затуманивает действительность. И мифы, и священные религиозные документы являются своеобразными повествованиями о сопротивлении. Осознанной может быть оценка изначального сопротивления как подъема идеологической культуры. Сопротивление было многоплановым. Прежде всего, великое сопротивление женщины против ее домашнего ареста и передачи в полную власть мужчины можно конкретно видеть на примере богини Инанны. Возведение стен вокруг только, что построенных городов становится символом культурно-идеологического сопротивления этноса. Если тщательно проанализировать мировоззрение, основанное на образе бога-творца и человека-раба, можно видеть признаки серьезной классовой борьбы. Искусственное создание образа бога-творца было навязано вместо опустошенной, выхолощенной связки Бог — природа. Представители правящего класса, не являвшегося по своей сути созидателем, введя общество в полное идеологическое заблуждение, провозгласили себя богами в масках созидателей. А истинных созидателей, тех членов общества, которые обладали осознанными чувствами святости и почитали богов, охарактеризовали как простолюдинов, которых они создали из своих экскрементов, — и эта серьезная классовая война отображена языком мифов.

Иными словами, серьезный упадок идеологической культуры затуманивается. Мифические объяснения первых шагов строительства цивилизации, в особенности усилия, связанные с созданием богов, можно воспринимать как идеологическую форму классовой борьбы. В тот период, впрочем, не было другого языка для анализа. Описываемая в мифах городская конкуренция и разрушения свидетельствует о серьезной классовой борьбе. Жизнеописание в легендах, пантеоны, городская архитектура, гробницы стали конкретным выражением пропасти, развернувшейся между классами, в частности, между городским и сельским обществами. Повествования о фараонах и нимродах документировали факт глубочайшего расслоения общества. Изображения поработанных племен также свидетельствуют о трудностях и незащитности перед лицом агрессивных цивилизаций.

С самых ранних периодов зарождения цивилизованно - го общества в авангарде сопротивления, дошедшего до наших дней, находятся пророки. Повесть о пророках начинается с Адама и Евы, двух первых людей на Земле, — и эта особенность несет на себе отпечаток идеологической культуры того времени. Если правильно оценить образы Адама и Евы с точки зрения цивилизованного мышления, принимающего божественные черты в сравнении с неолитическим обществом, то мы увидим, что в них кроются первые отгадки противостояния между господином и рабом. Диалоги Адама с Богом и его отношения с Евой свидетельствуют как о расширении пропасти между господином и рабом, так и символизируют процесс выталкивания матери-женщины на второй план. В этой связи интересен и образ Ноя, который погружает неолитическое общество в свой ковчег и, желая спасти его от гнева грозного господина, направляется на верши - ну горы, в недостижимое для цивилизации место, и начинает там строить новую жизнь. Эта легенда, впрочем, напоминает шумерское общество и неолитическое общество, сопротивляющееся в попытке сохранить себя. Донеся начало этих двух пророческих традиций до стадии строительства цивилизованного общества, мифология показывает, что сопротивление существовало всегда и имело столь же постоянный характер, что и постоянство цивилизации. Подобно тому, как истории династий представляли собой истории высшего класса, истории пророков являются историями мятежных культур, племен и героев. Общее — в том, что они выступили против идолопоклонничества.

Необходимо отличать идолопоклонничество цивилизованного общества от тотемов и прочих родоплеменных символов. Боги, одновременно помещенные в пантеон цивилизованного общества, напоминают копии правящих фигур своего времени. Впрочем, все они имеют человеческий облик. Более того, это просто изображения реальных правителей. Так что нападение пророков на эти скульптурные изображения, по сути, было аналогично нападению на правителей. Борьба с идолопоклонничеством стала антигосударственным шагом. Это оппозиционный шаг в отношении всех понятий и знаков, символизирующих общество, находящееся на стадии структуризации. Это самое настоящее сопротивление. Борьба между жрецами и политическими царствами имела другой характер. Жрецы требовали у царей своей доли созданного ими общества. Эта борьба происходила между высшими слоями общества. Это была внутригосударственная борьба. Поскольку жрецы были творцами идеологической культуры, пусть и косвенно, но они повлияли на формирование института пророков. Жрец в основном является религиозным деятелем государства. Гражданское общество его не особо интересует. Фигура пророка совершенно противоположна. Пророк является представителем интересов общества, выдворенного за рамки управления государством.

Специфическая сторона традиции, которая должна была начаться с пророка Авраама и систематизировалась с пророком Моисеем, заключается в волеизъявлении, позволившем осмелиться на разрыв с шумерским и египетским обществами и создать собственное общество. Это самая настоящая идеологическая культурная революция. Нимрод и фараон стали символическими прозвищами правителей этих двух обществ, государства. У них есть структурные особенности. Они выражают абсолютную власть. Авраам и Моисей своей идеологической культурой, то есть интеллектуальным сопротивлением, продемонстрировали свое неприятие власти этих монархов. Это было очень ценным для своего времени мятежом. Подобно тому, как сегодня очень важен лозунг «Другой мир

возможен», в тот период очень важным было объявление этими пророками, что за пределами официальной власти фараонов и нимродов есть другой мир. Для этого пророки очень тесно общаются со своими общинами. Прежде всего, это было движение, породившее надежды. Нельзя отрицать роли повествования о пророках в мощи современного Израиля, по меньшей мере, в том, что оно питает его идеологию и культуру. Все повести и утопии авраамической традиции свидетельствуют о том, как жизнь родоплеменной структуры всячески пресекалась цивилизацией, рассказывают об их жизни и воспоминаниях. Пророки находились под влиянием обеих цивилизаций, но надо точно истолковать то, что они в корне отвергли. Их целью не было создание подобной цивилизации. Очень важно это положение для понимания столкновения царей Израиля с жрецами. И сегодня продолжается такое коренное противостояние между израильским государством и обществом. Пророки были историческими свидетелями жизни хеттов, митанни, ассирийцев, мидян-персов и, наконец, греков. В их памяти отложились пласты этих цивилизаций.

История сложилась так, что XVII-XIII вв. до н.э. стали наиболее ярким периодом расцвета материальной культуры. Взаимоотношения хеттов, египтян и митанни являются первым живым примером международной дипломатии. Иудеи были тем племенем, которые были ближе всего к этому процессу, и все осознавали. Анализ роли Авраама и Моисея вне движения той эпохи свидетельствовал бы о недостаточном понимании их роли. Ответ, который они дали, стал ответом идеологической культуры.

Иисус Христос и Мухаммед стали двумя великими реформаторами этой традиции. Впоследствии мы вернемся к рассмотрению их роли в возвышении идеологической культуры.

Вавилон и Ассирия стали двумя важными звеньями в процессе усиления материальной культуры. Растущие города и торговля представляли собой две крупные стадии в период существования этих двух монархий. Вавилон был Парижем той эпохи. Ассирийцы стали самыми безжалостными порождениями эпохи — сначала царей-торговцев, затем империй. Это традиция власти, лучше всего развившая материальную культуру на Ближнем Востоке. Ассирийцы сыграли серьезную роль в задвигании идеологической культуры на второй план и ее полном искажении. Культура Зороастра, на которой была основана мидо-персидская традиция, объявила серьезную борьбу за возвращение идеологической культуре главенствующей роли. Зороастр, Будда и Сократ, жившие почти в одно время, были как великими философами нравственности, так и мудрецами, которые на собственных примерах продемонстрировали преимущество идеологической культуры перед материальной. Они разбудили и озвучили совесть человечества, которая была подавлена цивилизацией. Собственной жизнью они замечательно доказали, что верили в возможность существования других миров, противостоящих подавляющему господству мира материальной культуры, который в период их жизни вошел в стадию зрелости. Они также доказали своей жизнью, что занимались поисками этих миров.

Сопrotивление агрессии, имевшей место в регионе, в первую очередь деятельности скифов, стало свидетельством того, что идеологическую культуру не так легко уничтожить. Семитская культура была представлена в потоке цивилизации амореями, арийская культура — хурритами, северокавказская культура — скифами, а звенья цепи сопротивления были

столь же непрерывны и сильны, как и звенья цепи цивилизации. Роль, которую сыграли готы в судьбе Римской империи, амореи, арабы, хурриты, мидяне и скифы сыграли в судьбе империй Ближнего Востока. Впрочем, в череде социальных восстаний на Ближнем Востоке немалая доля принадлежала религиозным движениям вроде христианства.

В

Греко-римское общество представляет средний, зрелый период истории цивилизации. Можно назвать его и цивилизацией классической эпохи. Представители античности смогли развить самые яркие стороны цивилизации. Для своего времени греки, и римляне смогли создать самую великую эпоху материальной культуры. Эта цивилизация, сумевшая достичь самого успешного синтеза всех предыдущих материальных культур, стала последним словом цивилизации на своем этапе. И по сей день трудно назвать какую-либо цивилизацию, которая могла бы сравниться с Римом в достижениях материальной культуры. Что касается капиталистического индустриализма, который пытаются представить как революционный шаг, это вовсе не цивилизация, а болезнь цивилизации.

Афинский период определил окончание идеологической культуры Древнего мира. Философия в какой-то степени оказалась его результатом. Это подобно фигурам пантеона, то есть богам, утратившим свою культурную ценность. Как и в любом другом деле, упадок становится закономерным результатом кульминации, ибо падение является завершением любого апогея.

Совершенно очевидно, что рабовладение — это полная система материальной культуры. Основной особенностью этой системы является унижение человечества. Такая бездна падения не наблюдалась нигде больше в живом мире. Такое благоприятствование разложению совести тесно связано с грозным величием и роковой притягательностью материальной культуры. И по сей день трудно не испытывать трепета перед грандиозными памятниками этой культуры, с другой стороны, невозможно не испытывать восхищения. Только обожествление человека воз - можно в той же степени. Но обожествление человека при одновременном преследовании человека превращается в трагедию. Все прочие для богов являются рабами. Никакие противоречия в процессе социальной борьбы не достигли таких масштабов. Для того чтобы лучше осознать степень падения, достаточно верно оценить такое явление, существовавшее в классической греческой культуре, как превращение юношей и подростков в объекты для половых утех. Связь этого явления с порабощением женщины — не просто в форме полового порабощения. Связь поразительна, потому что и порабощенная женщина, и мальчик, превращенный в пассивного полового партнера, оказываются в одинаковом социальном положении.

Рассмотрев подробнее проблему женского рабства, мы невольно обратим внимание на то, насколько угнетающим является это положение и насколько оно лишает человека человечности. Жизнь в домашнем заточении — это не просто лишение свободы локального характера. Это даже не тюрьма. Такое положение отражает глубину насилия, совершаемого над женщиной. Как бы ни пытались с помощью торжественных мероприятий обручения и свадьбы скрыть рабскую зависимость женщины, для уважающего себя человека один день

домашнего плена равно - силен потере достоинства. Женщину тысячелетиями систематически силой лишают ее производительных, педагогических, административных и освободительных ценностей, более того, этот процесс осуществляется с помощью гораздо более серьезных средств идеологического унижения (включая клятвы в «любви»), что результатом становится полная капитуляция женщины перед мужчиной. Полная потеря идентичности превращает женщину в «жену». В глазах даже самого примитивного мужчины, пастуха в горах, женщина выглядит не больше, чем «жена». А ведь превращение женщины в «жену» означает ее уязвимость перед установлением над ее личностью любого рода прав собственно - сти (включая право убивать в любую минуту). Женщина — не просто имущество, а особенное имущество. Она несет в себе потенциал, позволяющий ее хозяину возомнить себя домашним тираном. Достаточно знать, как пользоваться такой женщиной!

Это один из краеугольных камней цивилизации. С ним связано то, что материальная культура является одним из основополагающих факторов, позволяющих творить беспредел. Успешный опыт порабощения женщины возжелали распространить на все общество. Вторым ужасающим этапом распространения влияния стало именно это. Общество должно было стать для своих господ столь же функциональным, как женщина. Мы стараемся показать, как в капиталистической системе полностью завершилось превращение общества в подобие послушной женщины. Но основа этого была заложена еще на стадии первой цивилизации, а в греко-римской культуре такое общество пытались выставить в качестве образца. Говорить о превращении общества в послушную женщину можно было бы только в случае превращения мужчины в такое существо. Греко-римский мир был именно тем обществом, которое прекрасно ощущало эту ситуацию и приняло соответствующие меры. Прекрасно известно, что положение рабов гораздо хуже, чем положение женщины, превращенной в «жену». Проблема заключалась в превращении мужчины, не являвшегося рабом, в такую же «женушку». Я не говорю об инцесте, половых извращениях или бисексуализме. Надо отдельно анализировать некоторые явления, имеющие психологические, даже биологические причины, от явления, о котором я говорю. Модным в классическом греческом обществе было наличие у каждого свободного юноши хозяина — полового партнера. До обретения опыта этот юноша должен был оставаться пассивным партнером своего хозяина. Как я уже отмечал ранее, даже Сократ говорил по этому поводу следующее: «...тут важно не частое использование юноши, а становление его духа». Совершенно ясно, чем здесь руководствовались. Поскольку рабовладельческое общество никогда не исходит из понятий свободы, принципами чести и достоинства, эти особенности должны были быть вытравлены из памяти общества, поскольку они угрожали устоям общества. Это было правдой, потому что там, где есть свобода и достоинство человека, там по определению не может быть рабства. Система это осознала и должна была предпринять все меры в свою пользу.

Несомненно, греко-римская культура не смогла завершить эту миссию. Внутри общества посредством свободных философских школ развивалось христианство, а постоянные набеги извне и мятежи ставили общество перед лицом разнообразных угроз. Немало было признаков, что материальная культура не может подменить собой все, у нее не хватит сил сделать все. Общество, без необходимости превращения его в «мальчика», будет превращено в «послушную женщину» только при капитализме.

Агрессия внешних племен и внутренняя мятежная деятельность христианства — все это было предназначено для того, чтобы разложить общество, которое в основном приводило к исчерпанию человеческого потенциала. Последующие компромиссы не могли игнорировать идеологические культурные ценности и цели сопротивления. Наиболее правилен подход, позволяющий видеть в последующих серьезных этапах этих движений, не обладавших никаким величием с точки зрения материальной культуры, роль растущей идеологической культуры. Аналогичный пример — взаимоотношения и столкновения сасанидо-исламских и туранистических миграционных потоков. Простыми терминами «угнетение» и «эксплуатация» мы не сможем раскрыть глубину падения или степень роста обществ. Практика гораздо более содержательна. То, что капитализм оказался нераскрытым, но и не распался как система, тесно связано с неумением постичь его содержание во всей полноте (анализ цивилизованного общества). Рассуждения о капитализме похожи на верхушку айсберга. Основной массой является цивилизованное общество, которое при этом остается под водой.

Г

Вопрос о том, что такое христианство и ислам — цивилизация или мораль, — остается спорным. Не так легко, как это порой считают, пролить свет на эту проблему, которая и по сей день сохраняет серьезное значение. Христианские и исламские теологи, и верующие пребывают в смятении. Вот самые важные среди нераскрытых вопросов: где и до каких пор эти две религии были системами верований и нравственности, какова суть их от - ношений с цивилизованным обществом и тем обществом, которое не прижилось в рамках цивилизации, в каком смысле они создали цивилизацию и оппозицию против цивилизации?

Эти две значительные системы верований и нравственности — по моему мнению — зародившиеся в условиях существования Сасанидской империи, Древней Греции и Рима, являются крупнейшей идеологической культурой, противостоящей грандиозной материальной и деградировавшей идеологической культуре рабовладельческой системы. Если бы христианство и ислам стремились создать новую цивилизацию, то они взяли бы за основу строительство городов и классов, как это наблюдается во всех случаях строительства классических цивилизаций. Да, у них были цели, направленные на создание городов и классового общества, но они стремились объединить эти цели со своими религиозными и нравственными ценностями, а не просто создать цивилизованное общество. Преимуществом этих двух религий является не стремление к власти, то есть захват материальной культуры, а напротив, обеспечение гегемонии идеологической культуры, которая защищает человечества от давления материальной культуры, приобретшей грандиозные масштабы, потерявшей свой смысл и находящейся в состоянии дисгармонии с идеологической культурой.

Таким образом, характеристика христианства и ислама как систем цивилизации, чревата недостатками и ошибочным воле - приятием.

Необходимо особо подчеркнуть, что упадок Рима не был ординарным явлением или обычным упадком цивилизации. В Риме произошло падение традиции цивилизованного общества,

насчитывавшей, по меньшей мере, четыре тысячелетия. Точнее, эта традиция была разрушена. Поскольку подробное изучение внутренних и внешних причин этого падения не входит в пред - мет нашего исследования, коснемся темы вкратце. Обстоятельство, которое мы рассматриваем, относится к связи ценностей цивилизованного общества с упадком и месту, где этот процесс имел место. Можно уверенно утверждать, что Рим представлен во всех ранних и классических цивилизациях за исключением Китая (до Китая Рим дошел в I веке до н.э.). Этот процесс имел место с точки зрения не только рабовладельческой структуры, а всей материальной и идеологической культуры. Хочу особо подчеркнуть, что основной причиной отсутствия содержательного изучения действительности является то, что социальный анализ осуществляется исключительно с фактической стороны, в смысле конкретного факта угнетения и эксплуатации. Самое большое заблуждение позитивизма заключается именно в этом. Не исключено, что наиболее проблемные стороны европейского мышления связаны с этим позитивизмом. Не изучив все общественные формации во всей полноте их материальных и идеологических культур, противоречий и конфликтов, гармонии и несоответствия, невозможно дать их осмысленное толкование, то есть нельзя будет построить парадигму более свободной жизни.

С концептуальной точки зрения можно утверждать, что вместе с Римом пали его культуры — и материальная культура, достигшая грандиозных масштабов, и идеологическая культура, совершенно потерявшая связь с осмысленной жизнью. В принципе, градостроительная архитектура Рима стала апогеем всех предыдущих архитектурных традиций, существовавших четыре тысячелетия, в первую очередь, традиции Египта. В той же мере римский пантеон стал последним, но самым выдающимся состоянием верхнего яруса шумерских зиккуратов четырехтысячелетней давности и образов богов, находившихся на этом ярусе. На мой взгляд, это не требует особого подтверждения. С этой точки зрения, распавшиеся материальные и идеологические культуры насчитывают, по меньшей мере, четыре тысячелетия. Обратив внимание на их падение и то, кто стал их разрушителем, можем провести аналогичный анализ. От первых нападений амореев и хурритов до последнего нападения готов существовала еди - ная волна агрессии. Возраст сопротивления и агрессий также не менее четырех тысяч лет. Мятежи, начиная с пророка Ноя до пророка Мухаммеда, ставшие звеньями единой цепи, имеют до - вольно длинную историю. Не только время, но и пространство мятежей таят в себе глубокий смысл. В формировании материальной и идеологической культуры кочевых племен остается глубокий след от ареала их пребывания — будь то аравийские пустыни, предгорья Тавра и Загроса, среднеазиатские пустыни или глубины европейских лесов. Повествования обо всех пророках демонстрируют, с каким трудом формировались вокруг них общины единоверцев. Социология с европейским центром даже не пытается внести эти вопросы в свою повестку дня. Поэтому не будет ошибкой говорить о знаниях именно европейского типа. Без осмысленного толкования истории цивилизации, без написания реальной истории Рима мы не сможем определить культурные источники материальной и идеологической культуры Европы.

Историография считает два века, предшествовавшие распаду Рима, столетиями тьмы и хаоса, следовательно, падение цивилизаций — это вовсе не дело одного-двух лет.

Применительно к Сасанидекой империи, как своего рода вое - точного двойника и аналога Рима, актуальны те же комментарии. Эта империя зародилась восточнее шумерского государства жрецов. Зороастризм, пусть и в ограниченной форме, но усилил ее характер. Однако подобно тому, как Будда не смог предотвратить строительство раджами цивилизованного общества с преимущественными элементами материальной культуры, как Сократ не смог устранить нарушения в нравственном фундаменте афинской культуры, Зороастр также не смог препятствовать силе материальной культуры грандиозных империй персов и Сасанидов. История свидетельствует, что последние периоды существования персидской империи Сасанидов практически ничем не отличались от Рима. Агрессия Турана с северо-востока, а также внутренние распри между сектами, похоже, могли стать концом существования империи. Когда движение Мани (середина III века н.э.), давшее импульс сильной идеологической культуры, было подавлено, империя лишилась столь необходимой ей молодежи. Если бы не активность ислама, несторианские монахи, так же как католические монахи (как некогда властители материальной культуры стали властителями нравственной культуры), могли бы завершить культурную экспансию Ирана и его столицы. Развитие определили исламские завоевания.

После такой характеристики падения двух крупных рабовладельческих цивилизаций приступим к изучению условий исходов и характеристики двух известных движений — христианства и ислама, позиционировавших себя как идеологические альтернативы империям.

В процессе развития в Риме появились широкие маргинальные слои, которые не относились к традиционным кочевникам. Они также не обладали никакими этническими особенностями. Речь идет о новых деклассированных элементах, которых римляне называли пролетариями. Их нельзя считать носителями идеологии. Они барахтались в совершенной идеологической пустоте, это были своего рода безработные в структуре рабовладельческой формации. Любая идеология, обратившая внимание на них, могла склонить их на свою сторону. В имперский период Рима общество буквально кишело этими маргинальными группами. Они впервые в истории создали новый социальный слой. Постепенно формировались секты, фундамент которых составляли маргиналы. Типа ессеев, которые действовали незадолго до Иисуса.

До сих пор спорят: был ли Иисус человеком или фигурой, созданной конкретной обстановкой. С точки зрения нашей темы это не так важно. В период теоретического или действительного рождения Иисуса Рим под властью императора Августа находился в расцвете величия. Небольшое Иудейское царство, которое было меньше завоеванного региона Восточного Средиземноморья, было разгромлено в результате крупных восстаний. Оно управлялось общим прокуратором. Известно, что иудеи достигли высшего мастерства в ренегатстве. Поскольку иудейское ренегатство имело опыт еще со времен нимродов и фараонов, оно не преминуло оказать влияние и на ренегатство в римском обществе. В противовес ему существовала еще одна мощная освободительная тенденция — еще со времен Авраама и Моисея. Иисус стал продолжателем этой традиции. Иерусалим был подобно девушке, постоянно готовой идти под венец. Из высказываний Иисуса видно, что в идеологическом смысле он постоянно стремился к этой «девушке». Можно истолковать такое поведение следующим образом: именно оно стало причиной его последних действий и

распятия на кресте. В самом начале у Иисуса не было ни организованного общественного движения, ни внятной идеологии. Была небольшая группа находившихся в аналогии - ном положении последователей, связанных с ним крайне слабыми узами. Это были первые лидеры, называемые апостолами. Нельзя сказать, что они занимали серьезные позиции на иерархической лестнице, в этническом и официальном истеблишменте. Распятие было часто используемой в регионе системой наказания. Оно было ужасным изобретением Рима, так же, как и отдание живых людей на съедение львам. Известно, что группа, опасавшаяся подобной расправы, сбежала во внутренние области и на побережье Сирии. Авраам, опасаясь гнева Нимрода, напротив, нашел убежище в регионе, где позднее был построен Иерусалим. В тот период естественными были аналогичные случаи падений и взлетов. Только через сто лет были написаны первые Евангелия. Например, одним из первых было не существующее сегодня Евангелие от Маркиона.

Как следствие действий римской империи во II—III веках появляются первые святые. IV столетие становится веком христианства. Провозглашение императором Константином христианства официальной религией буквально становится взрывом — как в расширении сонма святых, так и в увеличении числа верующих. В этот период начинается разделение христианства на секты и конфессии; на повестку дня встает и вопрос о христианстве как государственной религии. Как известно, в христианстве есть вера в святую троицу. Отец, мать и сын могут быть восприняты как фигуры богов. Теологические рассуждения не входят в круг нашего исследования, но отметим, что основы этой веры уходят в далекую древность. Шумеры были первыми, кто выразил эту веру в зиккуратах. Мать-богиня Инанна, отец-бог Эн и сын-бог Энки были первой троицей пантеонов. Нельзя игнорировать то, что христианство испытало серьезное влияние языческих верований. Однако намного интереснее, что Иисус вышел из еврейской среды, или, во всяком случае, утверждения об этом. Авраамическая традиция яростно противостояла язычеству, а в религиозном течении, восставшем во имя Иисуса, обе традиции, кажется, достигают согласия. На мой взгляд, это утверждение правильнее.

Это обстоятельство, охватившее сознание абсолютно всех, способствовало появлению в дальнейшем спорам между конфессиями, раздроблению и конфликтам. Смысл всех споров сводится к вопросу, какова сущность Иисуса — божественная или человеческая. Те, кто склоняется к божественной сущности Иисуса, считаются принявшими официальное христианство. Константин сам признал божественную суть Христа. Как известно, государственная религия — это религия, получившая официальный статус, это было заложено еще шумерскими жрецами. Первое расслоение верований на двух социальных основах началось в Шумере. Что касается обожествления человека, то это пережиток неолитической культуры, который несет в себе серьезные отголоски этой культуры. В язычестве тоже есть такие характерные признаки. Представители другой точки зрения, считающие, что Иисус — плоть от плоти человек, озвучивают взгляды группы христиан, не ставшей частью государства и сформировавшей собственное течение. Точно так же в мусульманстве существует расслоение на официальный суннизм (государственная религия) и алавизм (религия общества, не признанного государством).

В IV столетии в христианстве происходят два серьезных преобразования. Первое — это превращение в государственную религию, что одновременно превращает христианство в

религию цивилизации. Именно так стремились преодолеть серьезный духовный кризис, переживаемый материальной культурой Рима, то есть кризис узаконения. Другое превращение — это обретение христианством вселенских масштабов. Христианство вышло за узкие рамки небольшой группы святых, оно стало официальной или неофициальной религией больших масс народа. Первыми, кого можно назвать среди народов, принявших христианство, стали армяне, ассирийцы, греки и римляне.

Так начинается период, называемый Средневековьем. То есть, с одной стороны, это распавшийся настоящий Рим и восстановление на его руинах другого Рима — Рима эпохи Константина, основанной на политике узаконения христианства, а с другой стороны, это активное усиление христианства, превратившегося в мощную волну идеологической культуры. Эти два фактора эпохи, называемой «темными веками», продемонстрировали необходимость веры в христианскую святую троицу. Это официальная религия с единым богом и религия «неофициальных» богов. Исторические преобразования в христианстве продолжаются и в Средние века. Столкновение христианства с язычеством было кровавым. Предыдущие стычки с язычниками оказались предметом противостояния между Иисусом как богом и Иисусом как человеком — что, в конечном итоге, стало продолжением старой традиции противостояния сил цивилизации и этнических сил, но уже в новых условиях, под новыми масками.

Более общий комментарий к этой теме сводится к утверждению, что часть глубоких исторических корней новой культурной волны приобщилась к цивилизации, приняла ее материальную культуру и таким образом деградировала, а другая часть избежала согласия с материальной культурой цивилизации, сохранив приверженность принципам культурно-идеологической гегемонии.

Охарактеризовав тысячелетний исторический период после распада Рима. То есть период между VI и XVI веками н.э., как время великого противостояния, конфликта и консенсуса между двумя тенденциями, одна из которых стремилась сохранить главенство материальной культуры, а другая не собиралась отступать от принципа главенства идеологической культуры, мы тем самым наиболее верно отразим исторические события. Такие определения, как «темное средневековье» или «феодалная эпоха» — лишь часть ответа.

В основном характер этого тысячелетия определило падение материальной культуры Рима. Ответы на вопросы, заполнился ли образовавшийся вакуум христианством или другими идеологическими культурами и элементами материальной культуры, дадут возможность оценить это событие всесторонне.

Носителями материальной культуры стали Византия на Востоке и целая волна новопостроенных городов на Западе, точнее, по всей Европе. Действительно, мы могли бы связать время формирования материальной культуры Европы с этим градостроительством. Если считать началом основание Парижа, римского поселения IV века, то говорить о господстве материальной культуры в начале XVI века нет оснований. Возникшие в этот период города не только не могут сравниваться с Римом, но и не особенно превысили уровень урбанизации Месопотамии и городских образований по обе стороны от Эгейского

моря в VII-IV веках до н.э. Замки, построенные в Европе, были куда примитивнее, чем крепости и замки, построенные в III-II тысячелетиях до н.э. в предгорьях системы Тавра и Загроса. Собственно говоря, отмечая, что урбанизация, имевшая место в Европе в V-XVI веках, оказалась не способна преодолеть влияние «темных веков», мы можем подчеркнуть, что новая нравственная культура, гегемония идеологической культуры христианства была более успешной в сравнении с этим. Несомненно, преобладающее положение христианства было очень важно для европейской истории. Правы историки, считающие этот период эпохой культурной экспансии идеологической культуры, то есть нравственных ценностей христианства на фоне того, как материальная культура не смогла завоевать Европу.

Самый важный вопрос заключается в том, почему Рим остался на уровне материальной культуры двухтысячелетней давности. Еще важнее то, что христианство, как вера и нравственная система, которое не могло удовлетворить существующие потребности и жажду идеологической культуры, успешно завоевало всю Европу. Серьезным фактором в данном случае является то, что Европа оказалась, не затронута неолитическим влиянием. Что посеешь, то и пожнешь. Впрочем, тысячелетняя история подтвердила эту истину. Вторая причина может иметь внешние корни. Это угрозы нападения тюркских племен, исповедовавших как ислам, так и язычество, угрозы нападений арабов с юга, через территории Сицилии и Испании. Объединение этих двух факторов помогает лучше понять европейское средневековье, длительность эпохи «тьмы». В христианстве была серьезная потребность, поскольку язычество распалось вместе с Римом. Дохристианское язычество Европы, как вера и мораль, давно уже обнаружило смысловую неполноценность. Таким образом, сложились удачные условия для гегемонии христианства как культурно-идеологического фактора. Его материальная культура по сравнению с Римом всегда оставалась блеклой. Христианство не могло состязаться и с материальной культурой Востока. Общества, вышедшие из колыбели неолита, не могли построить такие величественные города, как Париж. На мой взгляд, эти два недостатка, а именно несостоятельность христианства как системы, способной удовлетворить потребность в идеологическом культурном голоде, с одной стороны, и пребывание городской структуры на уровне многовековой давности, с другой стороны, способствовали серьезному материальному скачку Европы в XVI веке.

Между бурным всплеском материальной культуры и гегемонией христианства как идеологической культуры существует тесная связь. Крупные межрелигиозные и межконфессиональные столкновения это подтверждают. Европейский капитализм, сделавший серьезный скачок в материальной культуре, успешно использовал слабости христианства, испытывавшего недостаток сильной идеологии. Капитализм покусился на то, чего никогда не сделала ни одна предыдущая цивилизация. Он постоянно прятался в пустоте трещин на теле общества, удерживался на ногах и, доведя процесс превращения продукта в товар, то есть обретение обменной ценности, превратил сектантское мышление торговца и прибыли в официальную силу цивилизации; ему удалось создать новую эпоху. В этом смысле европейский капитализм смог перейти из средней стадии развития материальной культуры Рима на последнюю стадию. В следующих частях нашего исследования мы более подробно проанализируем вопросы, стала ли эпоха капиталистического модернизма кризисом цивилизации, или видом рака общества, или последней, старческой, стадией эволюции.

История ислама более запутанна. Для иллюстрации сложности проблемы достаточно упомянуть и ускоренные темпы приобщения к цивилизации, и постоянные столкновения с первых дней возникновения, причем столкновения как с иудаизмом и христианством, так и внутренние, межконфессиональные.

Два столетия, предшествовавшие появлению Мухаммеда на исторической арене, как мы уже говорили ранее, можно назвать кризисом последней стадии рабовладельческой цивилизации. Христианство, заметно укрепившись, преодолело этот кризис. Оно сумело стать организацией первых больших социальных слоев неимущих. Действительно за эти столетия заполнились христианские монастыри, поддерживавшие интерес к себе со стороны бедных народных масс. Христианство сумело стать альтернативной силой. Я должен завершить эту тему, но подчеркну, что несмотря на множество проблем во взаимоотношениях христианство и ислам имеют общее происхождение, поэтому я рассматриваю христианство и ислам в комплексе и хочу осветить как альтернативные возможности, так и скачок, совершенный исламом.

Оценка вступления ислама на историческую арену требует обращения ко многим обстоятельствам. Первое, ислам стал последней авраамической религией. Он выстроил себя именно на этой концепции. Таким образом, в основе ислама лежит исход Авраама, произошедший около двух тысячелетий до зарождения ислама. Отсюда вывод: арабо-израильский конфликт в определенном смысле можно назвать столкновением двух конфессий одной религии. Второе, ислам оценивает мекканскую эпоху, во время которой он зародился, как эпоху невежества. Это в какой-то степени критика мекканского язычества. Третье, лично Мухаммед, вступавший в диалог с несторианскими монахами, мог иметь определенную связь с христианством. Четвертое, Мухаммед говорит о своем опыте в торговле — был он сначала работником, а затем стал мужем торговли Хатиджи. Пятое, ислам испытал сильное влияние родоплеменной структуры, насчитывавшей многие тысячелетия и постоянно занимающей центральное место в арабском мышлении. Шестое, ислам пережил последнюю великую эпоху Византийской и Сасанидской империй.

Можно написать множество томов о влиянии этих и ряда других второстепенных элементов на формирование и распространение ислама. Тем не менее, я хочу подчеркнуть, что ислам не был чудом, явившимся в пустыне, он стал неизбежным продуктом материальных исторических условий. И сила, и бессилие ислама связаны с этими условиями. Он не стал синтезом цивилизации, как ранний Шумер, или поздний Рим, — преимущественно потому, что это движение основано на вере и нравственности. Личность Мухаммеда, в отличие от Авраама, Моисея и Иисуса, нельзя назвать неопределенной. Известны многие его особенности. Свое послание, Коран, он адресовал не какому-то отдельно взятому роду, племени или классу, а всему человечеству. Слово «Аллах», которое чаще других встречается в Коране, по сути, становится основной темой теологических исследований. Мухаммед находится под глубоким влиянием этого слова. Он считает Аллаха Господином всех миров. Это слово очень часто встречается в Священной книге. Слово «Аллах», обладающее таким концептуальным величием, в социологическом смысле обладает способностью, необходимой для объединения природной и социальной религий. Наличие у Аллаха девяноста девяти имен отражает объединенное влияние сил природы и общества. Обстоятельства, которые верующие воспринимают как «вечные заповеди и законы», в высшей степени

неопределенны. Подобно тому, как обязанности социального характера носят временный характер, природные явления не могут иметь силу закона. Что касается буквы закона, то она является результатом чрезмерного регламентирования, присутствующего в укладе иудейского родоплеменного сообщества. Можно говорить о тенденциях, постоянно преобладающих в обществе. Именно это понимание закона позднее способствует укоренению консерватизма в исламе. Может быть, эта строгая приверженность законам была полезной с точки зрения устранения присущей этим племенам склонности к анархии. Однако, принимая во внимание скорость социального развития, мы видим, что опасность мировоззрения общины уммета ощущается в его спонтанном характере.

Сильная вера Мухаммеда в Аллаха выявляет его метафизическую силу. Он признает силу Всевышнего над собой и совершенно не подвержен «болезни», связанной с обожествлением собственной личности, как это можно было видеть в истории от Шумера до Рима. Вспомнив дискуссию о божественной сути Иисуса, можно сказать, что позиции Мухаммеда являются более передовыми. Однако его отрицательной стороной стала неспособность преодолеть влияние иудейской жесткости. Расплата за это происходит сейчас в арабо-израильской войне.

Вопрос преобладания материальной или идеологической культуры в обществе, которое хотел построить Мухаммед, достаточно спорен. Если в христианстве преобладающим является нравственность, то в исламе, на мой взгляд, налицо развита гармония. Сколь недостаточным и спорным ни показалось бы ее содержание, тем не менее, сильной стороной ислама можно считать именно уравновешенность материальной и идеологической культуры в структуре общества. Впрочем, сам Мухаммед отлично демонстрирует этот структурализм в своем хадисе «Работай для спасения души так, будто ты завтра должен умереть, работай для мира так, будто вовсе не собираешься умирать». Известно, что Мухаммед категорически отвергал и жестко критиковал уклад жизни в Риме, Византии, Сасанидской империи, даже древние системы фараонов и нимродов. В этом смысле он был радикальным критиком цивилизации. Но, ни материальные условия, ни идеологический потенциал его эпохи не позволили ему раскрыть собственное понимание города. Это напоминает неумение современных социалистов развить альтернативу. Многочисленные призывы Мухаммеда к нравственности свидетельствуют о том, что он прекрасно знал обо всех «болезнях» цивилизованного общества. Эта сторона его личности говорит о его реформаторском, даже революционном духе. Так, Мухаммед не признает общества, в котором не главенствует нравственность. Правила, которыми он урегулировал процент от капитала, препятствуют болезненному развитию капиталистического общества. Можем сказать, что именно эти обстоятельства ставят учение Мухаммеда впереди христианства и иудаизма в первую очередь. Известно, что он был противником рабства. Он умел сострадать и давать свободу. Мухаммед не был сторонником свободы женщины и ее равного положения с мужчиной, но вместе с тем он испытывал ненависть к полному порабощению женщины. Вывод, который мы можем сделать из его многоженства, включает в себя эти две тенденции. Он признавал роль собственности и классовые различия в обществе, но, как самый настоящий социал-демократ, старался предотвратить рост налогов, монополизацию и их господство в обществе.

Из этого краткого отступления легко понять, что Мухаммед и ислам не были сторонниками несбалансированной материальной культуры, но в то же время и не были сторонниками одной лишь идеологической культуры, и этот баланс удался им мастерски. Это обстоятельство очень хорошо раскрывает причину, по которой ислам усилил свои позиции перед волной миграционных потоков цивилизации и прочими культурно-идеологическими образованиями. Вероятно, кроме шумерских и египетских жрецов, никакое общественное движение не смогло достичь такого мастерства в единстве материальной и идеологической культур так, как это удалось исламу. Говоря сегодня об усилении радикального или политического ислама, мы должны помнить об этой структурной особенности.

Есть определенная польза в возобновлении рассуждений о развитии материальной и идеологической культур после падения Рима и Сасанидской империи. То, что правовая система, созданная в Риме, не смогла заполнить вакуум, созданный четырехтысячелетней рабовладельческой системой вместе с разрушениями человеческой совести и нравственности, в принципе, видно из самого факта падения Рима. Ясно, что рабовладельческая система внесла серьезную пустоту и в веру. Общество осознало, что боги вовсе не такие, какими их пытались представить, и веру в которых им навязывали на протяжении четырех тысячелетий. Идолопоклонничество уже потеряло свою прежнюю святость. Можно утверждать, что наступило время, когда даже самые хорошие памятники Юпитеру уже не стоили ничего. Грандиозные материальные строения за собой оставили разрушенное человечество.

Постоянные войны привели к тому, что мир стал лишь утопией. Можно сказать, что это был период кризиса и хаоса. Старые правила и формы жизни потеряли ценность, а новые еще не сформировались. Люди дошли до такого состояния, что будто ждали откуда-то вести об освобождении. Обстановка давала им чувствовать на себе разницу между раем и адом. Стали набирать обороты движения безработных в центре, рабов и кочевых племен вокруг центров. Сложилась идеальная ситуация, в которой историческая весть об освобождении нашла бы свой наилучший резонанс. Это было временем зари великих движений. Неотложная необходимость, которая могла возникнуть в этих условиях, это то, что в современном стиле называется новыми утопиями и программами. Результатом великих утопий и программ могут стать значительные движения. На протяжении истории всех предыдущих цивилизаций существовала потребность в освободительных утопиях и программах. В принципе, все движения, как внутренние, так и внешние, всегда имели свои утопии и рецепты практического освобождения. Но структурный и функциональный кризис рабовладельческой системы на этот раз оказался очень глубоким. Уже невозможно было управлять обществом в рамках рабовладельческой системы, условия не позволяли.

В таких условиях вместе с совестью человечества и его мышление испытывает голод. Когда последние материальные структуры уже не могли далее существовать, можно сказать, сформировались все условия для выхода на историческую арену мировых религий (вести о свободе, взывающие к совести и разуму всего человечества). Серьезнейшее беспокойство вызывал вопрос, какой будет, новая эпоха, если не рабовладельческой.

Много было сказано о феодальном обществе. Говорят, эта формация пришла на смену старой рабовладельческой. Но такого, же типа латифундии, на которые опирается

феодалная формация, существовали в глубокой древности, уже в 4000-х годах до н.э. Можно напомнить, что в 2000-х годах до н.э. могли легко построить новые, более мощные замки, если их старые замки приходили в негодность. Еще с древних времен вокруг многих из них обитали массы крестьян и прислуги. На момент распада империй любая из иерархических ветвей в рамках одного этнического сообщества могла совершенно легко создать свое княжество. Карликовые государства, возникшие после распада Рима и Сасанидской империи, не особенно отличались от государств прежних периодов. Империи были ничем иным, как объединением, федерацией, конфедерацией нескольких таких мелких государств. Поселения, где они располагались, и их мышление не сильно отличались от уровня 6000-х годов до н.э., когда формировалось неолитическое общество. Ничего не изменилось в отношениях между мужчинами и женщинами. Отношения между крепостным и сеньором с древних времен не отличались от отношений между князем и его челядью. Собственность была такой же собственностью. Не было никаких революционных перемен в средствах производства. Мы много говорили о структуре правления и богах. В таком случае тяжело считать новыми цивилизациями те материальные системы, которые сформировались в V-VI веках н.э. Наконец, в городах Европы не было инфраструктуры, достаточной для зарождения новой цивилизации. Создаваемые империи даже в похвальбе не могли подняться выше руин Римской империи.

То же самое можно сказать и об империях, возникавших на Востоке. На мой взгляд, их скорее можно назвать остатками системы, предшествовавшей капитализму. Остатки — это полуразрушенные дома или кварталы, лежавшие в руинах. Эти государственные образования не пошли дальше ревизии древности. Вместе с тем нельзя отрицать материальные образования, существовавшие до капиталистической формации. Переходные к капитализму образования могут быть самими разнообразными. Европейская урбанизация, в частности, после X века, является своего рода предвестниками капитализма. В таком случае гораздо полезнее воздержаться от таких понятий, как феодализм или темное средневековье. Наиболее верно, на мой взгляд, считать это историей поработенной социальной системы с ее богами в масках, насчитывающей четыре тысячи лет, но разложившейся в рамках «длительного срока». Разрушение неолитической системы продолжается, и по сей день. Я хочу сказать, что срок распада «долговременных» систем может охватывать столетия. Часто могут встретиться случаи ревизии системы. В крайнем случае, эти системы можно назвать поздними системами, возникшими после V-VI веков.

Какой же смысл имеют все эти обстоятельства с точки зрения ислама и христианства? В своих утопиях проповедники этих религий не могли не обещать райской жизни. Говорится также о тысячелетних царствах счастья. Это обстоятельство упоминается в любой утопии. Обещания рая у меня ассоциируются с мечтой об оазисе, которая не покидает странника в горячей пустыне. Но имеется всего лишь жизнь, превращенная в пустыню. Пророки тоже могут обещать обществам, в которых они проповедуют, дни, полные надежд, и светлое будущее. Создание утопии райского будущего есть ничто иное, как поиск нового мира. В то же время утопия может стать убежищем для узника, обреченного на смертную казнь, или для тех, кто потерял все надежды на освобождение. Очень интересным представляется отношение Саддама Хусейна к Корану в моменты, предшествовавшие его казни. Коран — огромная сила, способствовавшая формированию мышления в период ожидания смерти. Это создание надежды для человека, оказавшегося совершенно беспомощным. Не зная условий

рабства, нельзя понять послания, содержащиеся в священных книгах. Если мы не будем игнорировать метафизический характер человека, то поймем, что он создаст еще много различных утопий, в том числе и утопию о рае и аде. Этого требуют реалии человека. В противном случае не только тяжело прожить эту жизнь, но и не будет надежд на лучшую, светлую жизнь.

Должен добавить еще одно: страх смерти есть социальное явление. И это чувство было создано или навязано. Следовательно, созданный страх смерти может быть преодолен новыми социальными мерами. Не исключено, что из самого понятия смерти проявится новая, прекрасная форма жизни. Случаи смерти в природе это ни в коей мере не есть социальная смерть в человеческом обществе. Это происходит оттого, что глубокая боль и печаль, сопровождающие социальную смерть, совершенно противоречат явлению смерти в природе. Иначе говоря, если бы не было смерти, то не было бы и жизни. Именно поэтому ценность жизни заключается в постижении смысла смерти. Иными словами, это бессмертие.

Исламские и христианские утопии были привлекательны как выход из рабства. Но совершенно непонятно, чего от них ждать. Говоря о райской загробной жизни, они будто отражают удары реальной жизни. Несколько понятнее становится, если в качестве примера нового общества, которое будет построено, привести общины единоверцев в монастырях и медресе.

Медресе, монастыри, секты и конфессии — это программы и усилия, направленные на строительство нового общества. Обе религии прилагают подобные усилия и сегодня. Пусть не покажется удивительным, что эти поиски длятся две тысячи и полторы тысячи лет соответственно. В то же время лидеры христианских церквей и командиры захватнических армий ислама создали позднюю рабовладельческую систему, прошедшую ревизию. Обратите внимание, эти поздние рабовладельческие системы стали своего рода очагами для самих завоевателей. Они не были системами, пригодными для жизни основной части общества. Называть их соответственно исламской и христианской цивилизациями несколько затруднительно. Их утопии не ставят цель создания цивилизации, они озабочены одним — обретением свободы и улучшением жизни. Следовательно, верования и мораль этих двух учений не в состоянии дать ответ на вопросы, связанные с формированием новых цивилизаций. Они сыграли определяющую роль в крушении систем, насчитывающих четыре тысячи лет истории. На их месте были созданы княжества, города, имперские конструкции. Но они не могут считаться частью исламской и христианской цивилизаций. В крайнем случае, их можно назвать их идеологически искаженными состояниями. Священник не может уйти из церкви и сесть на трон императора, имам не может уйти из мечети и стать главой государства. Впрочем, те элементы религии, которые стали частью государственной власти, нельзя назвать никак иначе, как извращениями. Что касается властей предрержащих, то они не преминули призвать народ к соблюдению требований религии, они предупредили об этом. Именно поэтому они господствуют и сегодня, правда, без должного авторитета и надежд.

Макс Вебер назвал капиталистическую систему цивилизацией, потерявшей свои чарующие качества. Естественно, в системе с самой развитой материальной культурой не может быть очарования. Этот стиль жизни возможен в мире, где господствует идеологическая культура.

Ни ислам, ни христианство, ни похожие культуры не в состоянии облагородить капиталистический мир своим очарованием. Это может обеспечить только мощь социологии свободы, которая обогащена наследием идеологической культуры. В соответствующей части мы постараемся тщательно рассмотреть этот вопрос. Я уверен, что сама жизнь обладает самыми большими привлекательными способностями. Новый лозунг не должен быть «Или капитализм, или социализм!», он должен звучать так: «Или капитализм, или свободная жизнь!».

В таком случае будет легче ответить на вопрос о капиталистической цивилизации. Положив конец грандиозным империям, препятствовавшим становлению капитализма, но, не сумев поставить цели создания собственных цивилизаций и достичь их, обе религии, осознанно или неосознанно, фактически расчистили путь для капитализма. Валлерстайн, говоря о конфликте империй с капитализмом, сделал очень важное наблюдение. Макс Вебер делает более понятным то, как в духовном мире протестантства капитализм нашел себе лазейку.

Хорошо, возможно ли было какое-то решение проблемы без создания цивилизации? Ответ стал бы своего рода возвратом к неолиту. Поскольку урбанизацию нельзя было отменить, торговлю также нельзя было предотвратить никак. Человек не мог быть допущен к господствующему обществу. Несмотря на любую критику государства, оно не могло быть уничтожено в тех условиях. Впрочем, результатом этой безысходности стали монастыри, медресе, секты и мистическая жизнь. Они ощущали разрушительное, разлагающее влияние упомянутых категорий и старались освободиться от этого. Найденные ими выходы оказывались не более чем маргинальными. Именно по этой причине они готовы были влиться в новую цивилизацию.

Очень поучительно вновь обратиться к преданиям о племени Авраама. Евреи были мастерами в сфере торговли и финансов. Кроме того, они были сильны как летописцы. В период Рима и Сасанидской империи евреи были рассеяны по всему миру. Скорость просачивания еврейских денег и торговли во все сферы жизни была поразительной. Они были духом материальной культуры, точнее, ее незаметной силой. Летописцы заняли места пророков, которые всегда радовали самыми хорошими вестями о прошлом и будущем. Они стали одним из основных условий возникновения новой цивилизации или капиталистической системы. Немалое влияние они оказали и на утопические учения, ведь религия и бог тоже входили в сферу их достижений.

Христианство в пору расцвета своей идеологической культуры охватило буквально всю Европу. Культурная экспансия в Азию имела ограниченный характер. Немалая доля принадлежит христианству в тех следах цивилизации, которые наблюдаются в Африке. Ислам очень быстро продолжил распространение — от Аравийского полуострова до Северной Африки и Средней Азии. Были завоеваны все места пребывания древних цивилизаций, а новые территории остались империям с преобладанием идеологической культуры. Но на самом деле осуществлялось не расширение цивилизации, расширялся духовный мир. Кстати, христианство, говоря о тысячелетнем царстве Бога, подразумевает именно это.

Научные основы и христианской, и исламской утопий очень слабы. Более развиты их нравственные аспекты. Они испытали влияние классической древнегреческой философии, в повторном оживлении которой они сыграли позитивную роль. Теология христианства и ислама в какой-то степени основана на учениях Аристотеля и Платона. Определенную часть своего богословия они черпали в египетском и шумерском теологических учениях. Однако эти утопии отнюдь не были готовы стать освободительными. Еще раз подчеркну: основой религий является нравственность. Теология не такая успешная тема, как это принято считать. Поскольку нравственность еще не потеряла своего значения, подобные учения в христианстве и исламе еще сохраняют свое значение. В части, касающейся социологии свободы, мы поговорим о месте этих учений.

Утопии не всегда безупречны. Зачастую они действуют в интересах большинства. Исламские и христианские утопии в этом смысле служат некоторому укреплению позиций капитализма. Но несомненно, что они часто вступают с капитализмом в столкновение. В разделе о капитализме мы еще вернемся к этой теме.

Относительно ислама можно подчеркнуть еще и то, что он способствовал началу безграничных и несправедливых культурных и территориальных экспансий варваров и родоплеменной аристократии. Зачастую говорят о том, что ислам часто унижал христианство. Подобное характерно для любой религии. Но дело в том, что нельзя говорить о столкновениях ислама и христианства, приобщившихся к государственности, как о религиозных столкновениях между исламом и христианством, это не вполне соответствует действительности. Мы хорошо знаем, что это были столкновения между цивилизациями, а религии всего лишь служили прикрытием.

В заключение коснемся в целом таких вопросов, как идеология, материальная культура и культура. Каждая из них является отдельной темой, требующей исследования. В процессе глобализации истории роль столкновений между рабом и господином, крепостным и сеньором опосредована и ограничена. Колеса истории вращаются по-иному. Мы разберем этот вопрос. То, что мы делаем, представляет собой общее, дилетантское исследование, но и его достаточно для того, чтобы понять историю и ответить на вопросы современности.

Не коснувшись хотя бы вкратце вопросов относительно другого крыла сопротивления, нельзя считать тему вполне освоенной. В последние периоды на рабовладельческую цивилизацию вместе с готами и гуннами, надвигавшимися с севера Европы, активные миграционные процессы осуществляли также арабы, которые шли с Аравийского полуострова, и, сменяя тактику сопротивления тактикой агрессивных нападений, совершали одну акцию за другой. Внутри этих племен, в доцивилизационную эпоху представлявших собой патриархальное общество, стала развиваться родоплеменная аристократия — и миграция кочевников, нападения арабов, их сопротивление другим силам были своего рода движением из сферы идеологической культуры. Это были энтузиасты, они были импульсивны и несли с собой «свежую кровь». Их утопии, в частности, проповедовали равенство, несли в себе признаки неолита, скорее всего, не воспринимали цивилизацию. Метафизика у них не достигла того уровня развития, как в религиях. В большинстве они влились в империи, стали для них «свежей кровью» и поставщиками воинов-наемников. Таким образом, они стали одной из самых грандиозных сил истории.

Не будь миграционных потоков древних германцев, тюрков, монголов, арабов, до них — хурритов, амореев и скифов, ход истории был бы, по меньшей мере, иным. Древние германцы и арабы поставили на колени обе римские империи, тюрки и монголы внесли свой вклад в распад иранской и византийской империй. Но вожди этих племен или сами пытались надеть короны императоров, или стремились найти свои места в армиях и бюрократических аппаратах разрушенных ими империй. Оставшиеся завоеватели или снова объединялись в родоплеменные сообщества, или в виде деклассированных элементов пополняли ряды маргиналов. Роль этих двух внутренних и внешних сил в падении рабовладельческого общества несомненна. Но они не могли сыграть аналогичные роли, касающиеся выдвижения социальной альтернативы или построения нового общества. Они могли разрушить, ограбить, но не созидать или сохранять.

Нашим трудом, который можно назвать исследованием, мы постарались вскрыть фундамент капиталистического модернизма противостоя демократической цивилизации, которая, возможно, гораздо древнее нее, но не может избавиться от идеологической, военной, политической и экономической раздробленности, связано в основном с идеологической гегемонией государственной цивилизации. Системы, в которых господствуют сила и жестокость, могут достичь успеха лишь на базе идеологической гегемонии. Основное противоречие не просто имеет классовый характер, оно охватывает все уровни цивилизации. Историческая борьба, которую мы можем проследить, по меньшей мере, на глубину пяти тысячелетий, происходит между государственной цивилизацией (в основном зиждется на классовом обществе города и государственной власти) и демократической цивилизацией, которая не обрела форму государства, костяк которой составляет крестьянство и которая время от времени формировала содержание трудящихся-горожан. Все идеологические, военно-политические и экономические отношения, противоречия и борьба в обществе протекают под фундаментами этих двух основных цивилизаций.

В последующих частях труда я постараюсь раскрыть содержание этого основного тезиса и конкретизировать его применительно к Ближнему Востоку и Курдистану.

Версия #1

Зверобой создал 25 декабря 2025 20:47:43

Зверобой обновил 25 декабря 2025 20:51:58